

Артур Конан Дойл

Торговый дом Гердлстон

Перевод с английского
Николая Чуковского

ФТМ

Артур Конан Дойл

Торговый дом Гердлстон

«ФТМ»

1890

Дойл А.

Торговый дом Гердлстон / А. Дойл — «ФТМ», 1890

ISBN 978-5-4467-2798-8

Первый социально-бытовой роман Артура Конан Дойла «Торговый дом Гердлстон» (1890) – роман о ловких дельцах и стяжателях, которые наживаются за счет маленьких людей, оказывающихся в их власти.

ISBN 978-5-4467-2798-8

© Дойл А., 1890

© ФТМ, 1890

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Артур Конан Дойл
Торговый дом Гердлстон и К°
(перевод Николая Чуковского
под редакцией Корнея Чуковского)

Глава I

Мистер Джон Гарстон исполнил свои обязательства

Вход в контору торгового дома «Гердлстон и К°» был неказист и невзрачен. Человек, случайно попавший сюда, никогда не подумал бы, что эта фирма находится в цветущем состоянии. На углу широкой торговой улицы – маленькая узкая дверь. Толкните ее, и вы окажетесь в длинном, выбеленном известью коридоре. Снаружи прибитая медная доска с надписью: «Гердлстон и К°. Торговые операции с Африкой», над нею какой-то диковинный иероглиф, по всей вероятности, долженствующий изображать человеческую руку с вытянутым указательным пальцем. Следуя указаниям этой загадочной эмблемы, вы выйдете на небольшой квадратный дворик, окруженный со всех сторон дверьми. На одной из этих дверей вы снова увидите фамилию владельцев фирмы, а под нею надпись: «Толкайте». Последовав этому лаконическому приглашению, вы попадете в длинную, низкую комнату; это и есть контора африканских промышленников.

В середине того дня, о котором идет речь, в конторе было тихо. Но по следам, оставленным на линолеуме, можно было заключить, что утром здесь совершено было немало коммерческих сделок. Туманный свет лондонского дня почти не проникал в эту комнату, и углы ее терялись во мраке. За высокой конторкой сидел пожилой мужчина с измученным лицом; он что-то шептал про себя, постукивал по столу пальцами и чертил бесконечные ряды цифр. Перед ним, за двумя длинными столами, сидело с полдюжины молодых людей, согнувшихся в три погибели. Они писали с буйной быстротой: казалось, каждый хотел перегнать остальных на бешеных скачках, жизни. Человек, знакомый с обычаями лондонских контор, взглянув на них, сразу понял бы, что за ними в эту минуту следит кто-нибудь из хозяев фирмы.

И действительно, за ними следил широкоплечий молодой человек с бычьей шеей. Он облокотился о мраморную доску камина и, перелистывая календарь, украдкой поглядывал на своих подчиненных. В каждой черте его сильного четырехугольного лица и во всей его крепкой фигуре была видна привычка повелевать. Он был выше среднего роста, имел дюжие плечи, широкие энергичные челюсти и ясный пронзительный взгляд. Сразу было видно, что он упрям и решителен. Было что-то классическое в его правильном смуглом лице, в черных выющихся волосах. Но эту классическую красоту нельзя было назвать одухотворенной. Скорее он был похож на одного из тех римских императоров, которые строгими чертами лица напоминали красивых зверей: его глаза не сияли тем мягким огнем, который является главным показателем духовной жизни. Это был Эзра Гердлстон, единственное чадо Джона Гердлстона, наследник всех его обширных предприятий и коммерческих дел. Поэтому неудивительно, что служащие работали столь ретиво: они хотели показать ему, с каким усердием они хлопочут об интересах торгового дома.

Впрочем, скоро оказалось, что молодой хозяин составил себе мнение об их службе не на основании их теперешней работы. Не отрывая глаз от календаря, он насмешливо улыбнулся и произнес всего только одно слово:

– Паркер.

Белокурый клерк испуганно взглянул на него.

– Ну, Паркер, кто же у вас выиграл? – спросил юный представитель фирмы.

– Выиграл, сэр? – запинаясь, вымолвил Паркер.

– Да, кто выиграл?

– Я не понимаю вас, сэр, – сказал клерк, краснея до ушей.

– О, нет, вы отлично понимаете, Паркер, – заметил молодой Гердлстон, разрезая ножом страницы календаря. – Когда я был в конторе после завтрака, вы играли в орлянку с Робсоном и Перкинсоном. Когда я ушел, вы, должно быть, продолжали играть, и, естественно, меня интересует, кто из вас выиграл.

Три злополучных клерка еще прилежнее устались в книги, чтобы избежать саркастического взора хозяина, который продолжал тем же спокойным тоном:

– Вы, господа, получаете у нас тридцать шиллингов в неделю. Конечно, орлянка невинная и увлекательная игра, но вряд ли вы полагаете, что мы будем платить вам за то, что вы делаете нам честь, играя у нас в конторе. Поэтому я посоветую отцу, чтобы он вычел по пяти шиллингов из той суммы, которую вы обычно получаете по субботам.

Он замолчал, и три преступника начали мало-помалу приходить в себя. Но вот он заговорил опять:

– А у вас, мистер Джилрэй, я попрошу вычесть десять шиллингов. Так как вы старший клерк, то на вас лежит обязанность смотреть за порядком в конторе в отсутствие хозяев. А вы отнеслись к своей обязанности небрежно.

– Слушаю, сэр, – покорно ответил старший клерк.

Это был пожилой человек, обремененный большой семьей, и потеря десяти шиллингов лишала его семью воскресной трапезы.

Наконец, раздался резкий звук гонга, возвещавший час обеда. В дверях появился мальчик, сообщивший, что мистер Гердлстон желает поговорить с мистером Эзрой. Мистер Эзра, еще раз внимательно посмотрев на своих подчиненных, ушел в заднюю комнату. Обрадованные его уходом клерки стали подбрасывать вверх свои перья и ловко подхватывать их на лету, не обращая внимания на мольбы старого Джилрэя, тщетно уговаривавшего их не нарушать порядка.

В кабинете у мистера Джона Гердлстона над камином висела большая акварель, изображавшая судно «Белинда», которое наткнулось на подводную скалу недалеко от Пальмового мыса. Поговаривали, что торговый дом понес большие убытки от гибели «Белинды». Если это так, Гердлстон, вешая эту картину у себя в кабинете, доказал свою идеальную твердость. Но совсем иначе смотрел на это один служащий из агентства Ллойда. Лукаво подмигивая левым глазком, он доказывал, что судно могло быть застраховано почти на всю сумму своей стоимости, и что, таким образом, фирма не потерпела тех огромных убытков, о которых говорила молва.

Джон Гердлстон сидел за квадратным письменным столом и ждал сына. У него были суровые, угловатые, резкие черты лица и глубоко-впалые глаза – признак твердого и непреклонного характера. Он был почти совсем сед, брил и усы и бороду и только на щеках оставлял щетинистые бакенбарды стального цвета. Лицо его не выражало ничего, кроме строгости и решительности – качеств, равно присущих и героям и преступникам. Его считали глубоко религиозным человеком, безусловно честным в коммерческих делах. Правда, иные относились к нему с недоверием, и только один человек на свете называл его своим другом.

Когда вошел Эзра, Гердлстон встал. Он был так высок ростом, что смотрел на Эзру сверху вниз, но тот, коренастый и плотный, был гораздо сильнее отца.

– В чем дело? – спросил Эзра, садясь в кресло и побрякивая деньгами, лежавшими в кармане его брюк.

– Я получил сведения о «Черном Орле», – ответил отец, – меня известили с Мадейры.

– А! – радостно воскликнул младший компаньон. – Ну, как?

– Нагрузка подходит к концу, если верить донесениям капитана Гамильтона Мигтса.

– Но Мигтсу вряд ли можно доверять, – нетерпеливо проговорил сын. – Он никогда не бывает трезв.

– Мигтс хороший моряк, да и на берегу его любят. Вот список товаров, засвидетельствованный подписью нашего агента. Шестьсот бочек пальмового масла...

– Масло на бирже сегодня падает.

– Подымется раньше, чем «Черный Орел» успеет вернуться, – убежденно сказал купец. – Затем кокосовые орехи, каучук, черное дерево, меха, кошениль и слоновая кость.

Молодой человек свистнул от удовольствия.

– Есть одно очень печальное известие, – продолжал старый Гердлстон: – три матроса умерли от лихорадки.

– О, дьявол! – сказал Эзра. – Мы отлично знаем, что это значит. Три женщины, каждая с целой кучей ребят, будут осаждать нашу контору, кричать и выпрашивать пенсию. Почему эти собаки моряки такие незапасливые?

Отец укоризненно взглянул на него.

– Значит, вы намерены выплатить пенсию вдовам? – с хитрой улыбкой спросил Эзра.

– Ни в коем случае. «Гердлстон и К°» не общество страхования жизни. Если мы назначим пенсию этим вдовам, другие матросы подумают тогда, что им незачем сберегать свои деньги, и окажется, что мы косвенным образом поощряем порок и распутную жизнь.

Эзра засмеялся, позвякивая серебром и ключами в кармане брюк.

– Но я не об этом хотел говорить с тобой, – продолжал Гердлстон. – Говорят, что Джон Гарстон умирает и хочет видеть меня. Мне неудобно уйти из конторы, но я чувствую, что, как христианин, я должен идти к нему, раз он меня зовет. Присмотри за делами до моего прихода.

– Я едва верю своим ушам, – удивленно сказал Эзра. – Здесь что-нибудь да не так. В понедельник я сам видел старика Джона Гарстона и говорил с ним.

– Он заболел внезапно, – сказал отец, надевая шляпу. – Доктор говорит, что он едва ли доживет до вечера. У него гнилая горячка.

– Вы, кажется, с ним старые друзья? – спросил Эзра, задумчиво взглянув на отца.

– Мы были дружны еще мальчиками, – ответил тот, покашливая, что было у него проявлением высшего волнения. – Твоя мать, Эзра, умерла в тот самый день, когда у его жены родилась дочь. Это было семнадцать лет тому назад. После родов миссис Гарстон прожила только несколько дней. Все состояние Гарстона до последнего пенни перейдет к его дочери. Других родственников у него нет, кроме Димсделов, – сказал купец и большими шагами пошел к выходу.

У этого невозмутимого африканского купца было действительно тяжело на душе, когда он ехал в кэбе к своему другу. Оба они вместе с Гарстоном учились в одной школе на средства благотворителей и, окончив ученье, оба преуспели в делах. Гердлстон был для Гарстона идеалом. Гарстон оставался неизменно верен Гердлстону целых сорок лет, чем расположил к себе своего приятеля, хотя тот и старался это скрыть.

Из дома Гарстона навстречу Гердлстону спускался толстый, небольшого роста человек, весь в черном.

– Ну, доктор, – спросил купец, – что ваш больной?

– Неужели вы приехали сюда, чтобы повидаться с ним? – спросил доктор, с любопытством глядя в бледное лицо купца.

– Да, я иду к нему.

– У него чрезвычайно заразительная тифозная горячка. Он может умереть через час, но, возможно, проживет и до вечера. Ничто уже не спасет его. Не думаю, чтобы он узнал вас.

Его болезнь очень заразительна, и вы напрасно подвергаете себя опасности. Я не советую идти к нему.

– А как же вы, доктор? Ведь, вы сами только что оттуда.

– Я там был, потому что мой долг – быть там.

– И мой долг быть там, – решительно сказал посетитель и, поднявшись по каменным ступеням крыльца, вошел в переднюю.

Через приотворенную дверь, ведущую в гостиную, он увидел девушку, которая сидела на подоконнике, склонив свой гибкий стройный стан и закинув руки за голову. Ее великолепные каштановые волосы падали с обеих сторон густою волною на ее белые, полные руки, а грациозный изгиб ее чудной шеи мог бы послужить скульптору для изображения скорбящей мадонны. Доктор только что сообщил ей печальную весть, и это был первый взрыв горя, горя, столь сильного, что даже купец, человек далеко не чувствительный, понял, что утешать ее будет напрасно. Он отворил дверь в спальню Гарстона и вошел.

Больной лежал на спине, по-видимому, без сознания. Его неподвижный взор был устремлен в потолок, и из пересохших губ вырывалось учащенное прерывистое дыхание. Гердлстон намочил губку и провел ею по лбу больного. В его неуклюжей нежности было что-то трогательное. Больной с беспокойством повернул голову и взглянул на него узнающим благодарным взором.

– Я знал, что ты придешь, – сказал он.

– Да. Едва я получил твою записку, я поспешил к тебе.

– Рад тебя видеть, – продолжал больной со вздохом облегчения. Он вынул свою руку из-под одеяла и положил ее на руку Гердлстона. – Я хочу поговорить с тобой, Джон, – сказал он. – Я очень слаб. Слышишь ли ты, что я говорю?

– Да, я слышу.

– Я составил завещание, Джон. Нотариус утром записал его. У меня около пятидесяти тысяч фунтов. Я оставляю моей милой дочери Кэт сорок тысяч фунтов.

Гердлстон с любопытством посмотрел ему в глаза.

– А остальные деньги? – спросил он.

– Остальные я разделил поровну между всеми учреждениями Лондона, ведающими просвещением бедных. Мы в детстве сами были бедны, Джон, и знаем цену школ для бедных.

Гердлстон, казалось, был разочарован. Больной продолжал медленно и грустно:

– У моей дочери будет сорок тысяч фунтов, но под тем условием, что до своего совершеннолетия она сама не сможет распоряжаться этими деньгами. У меня нет ни друзей, Джон, ни родственников, кроме моего двоюродного брата, доктора Джорджа Димсдела. Прошу тебя, возьми ее и воспитай под своим руководством. Обращайся с ней, как с родной дочерью. Оберегай ее от людей, которые для того, чтобы завладеть ее состоянием, разобьют ее жизнь. Сделай это, старый друг, и дай мне умереть счастливым.

Купец молчал. Он напряженно думал, хмурия свои густые брови.

– Кроме тебя, я не знаю ни одного справедливого и честного человека, – продолжал больной. – Дай мне воды: у меня пересохло во рту. Если же, не дай бог, моя милая девочка умрет, не успев выйти замуж, в таком случае... – у него не хватило дыхания, и он на секунду умолк.

– Что в таком случае?

– В таком случае, старый друг, ее состояние перейдет к тебе, ибо ты единственный человек в мире, который может хорошо употребить эти деньги. Вот все пункты моего завещания. Но ты должен заботиться о ней, как отец. Она – нежное растение, Джон, она слишком слаба и не может расти без опоры. Обещай мне, что ты не обидишь ее.

– Обещаю, – ответил Джон Гердлстон глухим голосом.

Он встал и нагнулся над умирающим для того, чтобы лучше расслышать его слова.

Гарстон быстро угасал. Слабым движением руки он указал на книгу в коричневом переплете, лежавшую на столе.

– Возьми эту книгу, – сказал он.

Купец взял книгу.

– Повторяй за мной: клянусь и торжественно обещаю...

– «Клянусь и торжественно обещаю...»

– Оберегать, как свою родную дочь... – слышался из кровати дрожащий голос.

– «Оберегать, как свою родную дочь...» – глухим басом повторил купец.

– Кэт Гарстон, дочь моего покойного друга...

– «Кэт Гарстон... дочь моего покойного друга...»

– И пусть мои собственные дети обращаются со мной так, как я буду обращаться с ней.

– «И пусть мои собственные дети обращаются со мной так, как я буду обращаться с ней».

Голова больного в изнеможении упала на подушку.

– Благодарение Богу, – прошептал он: – теперь я могу умереть спокойно.

– Мне пора, – сказал Гердлстон: – я обязался быть в одном месте в шесть часов.

– Я тоже обязался быть в одном месте в шесть часов, – со слабой улыбкой сказал умирающий. – Прощай, Джон!

Африканский купец вовремя прибыл туда, куда обязался прибыть, но еще раньше Джон Гарстон сдержал свое обязательство и прибыл в то страшное место, откуда еще никто не возвращался и куда повела его смерть.

Глава II

Гамильтон Миггс, капитан «Черного Орла»

Глава фирмы, обладавший очень тонким слухом, услышал в коридоре чьи-то тяжелые шаги. Затем чей-то грубый голос в весьма сильных выражениях, никогда не употреблявшихся в этой вполне приличной конторе, спросил, можно ли видеть принцепала. По-видимому, на это дан был утвердительный ответ, ибо тяжелые шаги быстро приблизились к кабинету, и раздались два сильных удара в дверь.

– Войдите! – закричал мистер Гердлстон, откладывая свое перо, в сторону.

Дверная ручка повернулась, дверь приотворилась, но в комнату никто не входил, и только сильный запах крепких напитков понесся из-за двери.

– Войдите! – нетерпеливо повторил купец.

После этого вторичного приглашения в дверь просунулся клубок черных спутанных волос; затем показался медно-красный лоб, щетинистые брови и желтоватые, мутные, вытаращенные глаза. После головы стало мало-помалу показываться туловище, и, наконец, появилась и вся фигура незнакомца.

Это был здоровенный моряк в матросской куртке и синих панталонах, с матросской фуражкой в руках. Тяжело ступая и подмигивая глазом, что делало его лицо еще безобразнее, он подошел к купцу и протянул ему свою татуированную волосатую руку.

– Ну, капитан, – сказал глава фирмы, с непритворной радостью пожимая ему руку, – я рад видеть вас здоровым и невредимым.

– Рад вас видеть, сэр, рад вас видеть. Я пришел сюда с оглядкой: мне не хотелось кого-нибудь застать у вас, – продолжал он. – Мы с вами любим говорить наедине.

Купец приподнял свои густые брови. Ему не нравилось, что его собеседник намекает на тайны, якобы существовавшие между ними.

– Садитесь, – сказал он. – Я должен поздравить вас с прекрасным грузом и пожелать, чтобы следующее ваше путешествие было столь же удачно.

– Слоновая кость и золотой песок, и черное дерево, и резина, и кошениль, и гуттаперча, и рис, и табак, и фрукты, и кокосовые орехи. Хотел бы я посмотреть, кто привез груз лучше моего, – хвастливо сказал моряк.

– Превосходный груз, капитан, превосходный. Кажется, трое из ваших матросов умерли?

– Да, три лоботряса околело. Двое от лихорадки, а третьего укусила змея. Противно смотреть на теперешних моряков. В те времена, когда я начинал свои плавания, люди стыдились умирать от таких пустяков. Скажите, хозяин, не найдется ли у вас здесь в конторе чего-нибудь, чтоб промочить горло?

Гердлстон встал, достал из шкафа бутылку и налил ему стакан рома. Моряк выпил залпом и, блаженно вздохнув, поставил пустой стакан на стол.

– А ведь вы удивились, – сказал он, лукаво подмигивая глазом, что было неприятно купцу, – когда узнали, что мы пришли назад? Говорите, не бойтесь: нас здесь только двое.

– Старый корабль крепок, он еще не мало поработает, – отвечал купец.

– Поработает! Да я ждал, что он в гавани затонет. Ночью была буря и здорово потрепала его. Его нельзя было пускать в плавание тогда еще, когда мы вышли из Англии. Я уже думал, что никогда больше не увижу Лондона.

– Если корабль мог выдержать такую бурю, он сможет держаться еще один рейс.

– Его можно снова отправить в дорогу, – мрачно сказал моряк. – Но только похоже, что он не дойдет до места. Корабль в самом плачевном состоянии. Вы должны ввести его в сухой док и осмотреть все повреждения.

– Отлично, – холодно сказал купец. – Если вы настаиваете на этом, мы так и сделаем. Но только от этого пострадает ваш оклад.

– Что?

– Вы получаете пятнадцать фунтов в месяц и пять процентов комиссионных. Мы платим вам так много потому, что вы подвергаете себя риску. Мы произведем починку «Черного Орла», но отныне вы будете получать десять фунтов в месяц и два с половиной процента комиссионных.

– Стойте, стойте! – закричал моряк. В его глазах с желтыми белками светилась злоба. – Не советую вам играть со мной такие скверные шутки. Я свободный британский моряк, и никто не смеет мной командовать.

– Вы пьяны, – сказал Гердлстон, – садитесь.

– Вы хотите меня притеснять! – бешено кричал капитан Гамильтон Мигтс. – Я работал на вас, как раб, рисковал ради вас своей жизнью. А что, если я возьму да и расскажу всем историю о том, как были сделаны грузовые метки? Что будет тогда с торговым домом «Гердлстон и К°»? Пожалуй, вам выгоднее удвоить мне жалованье, чем допустить, чтобы о вас стали ходить такие слухи.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы не знаете, что я хочу сказать? не знаете? А разве не вы послали нас ночью на корабль переставить повыше правительственные грузовые метки, чтобы иметь возможность навалить побольше груза? Не вы это сделали? не вы?

Гердлстон ударил в гонг.

– Джилрэй, – спокойно сказал он, – подите на улицу и приведите сюда полисмена.

Капитан Гамильтон Мигтс был несколько испуган неожиданным ходом своего противника.

– Поосторожней, хозяин, – сказал он, – что вы там еще собираетесь выкинуть?

– Собираюсь отдать вас под суд.

– За что?

– За то, что вы шантажируете меня и требуете деньги.

– У вас нет свидетелей, – сказал моряк заносчиво, но трусливо.

– Нет, свидетели есть, – сказал Эзра Гердлстон, входя в комнату. Он стоял за дверью и слышал последнюю часть разговора. – Продолжайте, пожалуйста. Вы говорили, что будете позорить честное имя моего отца, если он не прибавит вам жалованья.

– Я не хотел его обидеть, – сказал капитан Гамильтон Мигтс, с беспокойством глядя то на одного, то на другого: он был хорошо знаком с судом в дни своей молодости и не хотел возобновлять этого знакомства.

– Кто закрасил грузовые метки? – спросил купец.

– Я.

– Кто-нибудь подучил вас?

– Нет.

– Прислать полисмена к вам в кабинет, сэр? – спросил Джилрэй, открывая дверь.

– Попросите его подождать немного, – ответил Гердлстон. – А теперь, капитан, возвратимся к нашей первоначальной теме. Ввести ли нам «Черного Орла» в сухой док и уменьшить ваш оклад, или вы найдете возможным отправиться на нем в обратный путь на тех же самых условиях?

– Я отправляюсь на нем обратно, – беспечно сказал капитан, засовывая руки в карманы и тяжело опускаясь на стул.

– Отошли полисмена, Эзра, – сказал Гердлстон.

– Вы говорите, хозяин, что платите мне за риск, – сказал капитан, – но ведь это жестоко по отношению к моим товарищам-матросам.

– Во всем есть риск, дорогой капитан. Мой дом в Экклстон-Сквере может обрушиться от землетрясения. Но, ведь, не думаю же я постоянно, что вот, вот он сейчас обрушится. Зачем же вы все время думаете, что с «Черным Орлом» непременно случится что-нибудь?

Моряк замолчал, хотя логика патрона его не убедила.

– Ведь, вам было бы весьма приятно, – наконец, сказал он, – если бы мы затонули по дороге сюда.

– Почему?

– Потому что, когда мы отправлялись в плавание, груз был застрахован дороже стоимости, и, случись с нами несчастье, вы положили бы себе в карман несколько тысяч фунтов стерлингов.

– Мы зависим от случая, – с достоинством отвечал купец.

– Ну, прощайте, хозяин, – сказал внезапно капитан Гамилтон Миггс. – Когда я вам буду нужен, вы найдете меня, как всегда, в трактире.

Когда он вышел, Эзра зашел к отцу.

– Забавный субъект, – заметил он, кивнув головой в сторону уходящего Миггса. – Я издали услышал, что он ревет, как бык, и решил, что не лишнее послушать, в чем дело. И все же он полезный слуга.

– Он сам наполовину дикарь, – сказал отец, – и между дикарями он свой человек. Вот почему ему так хорошо удаются все сделки с ними. Ну, вернемся к делу. Поговори с подрядчиками и заплати за «Черного Орла» страховую премию. Застрахуй его в возможно большей сумме, но сделай это поосторожнее. Он выйдет в море ко времени экваториальных бурь. Если что-нибудь случится с ним, к нам нельзя будет придраться.

Глава III

Современные афиняне

Томас Димсдэл, студент Эдинбургского университета, проводил дни своей жизни в квартире на третьем этаже, состоявшей из маленькой спальни и большой гостиной, служившей, как принято у студентов, в то же время и столовой и рабочим кабинетом. Над камином было вделано засиженное мухами зеркало, по обеим сторонам которого стояли две подставки для трубок. На средней полке шкафа были в порядке расставлены серьезные книги: «Остеология» Голдена, «Анатомия» Квена, «Физиология» Кирка и «Беспозвоночные» Гексли. Все эти книги отличались подозрительной чистотой, которая показывала, что их редко брали в руки. На другой полке помещался небольшой запас книг для легкого чтения, гораздо более засаленных, чем медицинские трактаты. Над шкафом висела фотографическая группа, изображавшая футбольную команду Эдинбургского университета. Вот какой вид имела эта студенческая келья в то утро, о котором идет здесь речь. Мы не упомянули только об одном: а именно, что, развалясь в большом кресле, положив ноги на стол, сидел сам молодой джентльмен с коротенькой деревянной трубкой во рту.

Трудно было бы найти лучшего представителя британской молодежи, чем этот сероглазый молодой человек, белокурый, с широкой грудью и тонкой талией, обладавший силою быка, грацией и проворством оленя. У него было типичнейшее англосаксонское лицо, открытое, с широкой переносицей, с едва пробивающимися усами, которые были светлее его загорелых щек. Застенчивый и сильный, он был из тех людей, которые говорят очень мало, да и то, что говорят, выражают плохо, но делают больше, чем все ораторы и писатели, взятые вместе.

– Неужели Джэк Гаррауэй еще не готов? – пробормотал он, поглядывая на потолок: – уже одиннадцатый час.

Он зевнул, взял кочергу, встал на стул и трижды ударил ею в потолок. Из верхней комнаты послышались три ответных удара. Димсдэл слез со стула и неторопливо снял пиджак и жилет. На лестнице раздались торопливые шаги, в комнату вошел худощавый мускулистый молодой человек среднего роста. Он тоже снял пиджак и жилет и надел боксерские перчатки. Димсдэл также надел перчатки и, красивый и мужественный, стал посреди комнаты.

– Наноси первый удар, Джэк. Вот сюда, – и рукою в толстой перчатке он коснулся своего лба.

Джэк стал в позицию и, размахнувшись, нанес удар в указанное место. Димсдэл ласково улыбнулся и покачал головой.

– Так не годится, – сказал он.

– Я бил изо всех сил, – оправдываясь, говорил тот.

– Не годится. Попробуй еще раз.

Гость понатужился и из последних сил ударил еще раз.

Димсдэл опять печально покачал головой.

– Ты не понимаешь, как нужно бить, – сказал он. – Надо вот как.

Он ринулся вперед, послышался резкий звук, и гость, пролетев через всю комнату, чуть не вышиб дверь своим черепом.

– Вот как нужно бить, – совершенно спокойно сказал Димсдэл.

– Да, так надо бить, – повторил гость, потирая голову. – Все это было дьявольски интересно, но я думаю, что я лучше понял бы, если бы ты показал мне на ком-нибудь другом. Такой удар – нечто среднее между взрывом порохового погреба и землетрясением.

Его наставник мрачно улыбнулся.

– Только так и можно научиться, – сказал он.

В то время, как в комнате у студента разыгрывалась эта сцена, пожилой, среднего роста толстяк медленно шел по Гау-Стрит, следя за номерами домов. На его большом красном лице сияли черные пронизательные глаза, не лишенные скептической иронии. Но при этом в нем проглядывала не утраченная с годами мальчишеская веселость.

Дойдя до тринадцатого номера, он остановился и постучал в дверь набалдашником трости.

– Миссис Мак-Гэвиш? – спросил он вышедшую на его стук женщину.

– Да, это я, сэр.

Если я не ошибаюсь, у вас живет мистер Димсдэл?

– На третьем этаже, сэр.

– Что, он дома?

Женщина подозрительно посмотрела на него.

– Вы хотите получить с него по счету? – спросила она.

– По счету, добрая женщина? Нисколько. Меня зовут доктор Димсдэл. Я отец этого молодого человека, и приехал из Лондона, чтобы повидаться с ним. Я надеюсь, он не переутомляется от занятий науками.

Легкая улыбка заиграла на губах у женщины.

– Не думаю, сэр, – ответила она.

– Ну, хорошо, хорошо. Третий этаж, вы говорите? Он не ждет меня так рано. Я застану милого мальчишку за работой.

Бодрый маленький человечек, тяжело ступая, поднялся по лестнице до первой площадки и остановился.

– Боже мой! – пробормотал он, – кто-то выбивает ковры. Неужели они думают, что мой бедный Том может заниматься при таком шуме?

На второй площадке шум удвоился.

– Да здесь, должно быть, танцкласс, – решил доктор.

Дойдя до двери комнаты, где жил его сын, он уже не сомневался, откуда шел этот шум. Раздавались топот, шарканье, пыхтение, а по временам и глухие удары, будто кто-то бился головой о мешок, набитый мягкой шерстью.

– Это припадок падучей болезни, – с ужасом прошептал доктор и, повернув дверную ручку, ворвался в комнату.

Он сразу понял, что здесь происходила борьба. Не было времени входить в подробности. Какой-то сумасшедший напал на его Тома. Доктор бросился на этого злодея, оттащил в сторону, повалил и сел на него.

– Вяжи ему руки, – сказал он сыну, очень довольный собой.

Прошло не мало времени, прежде чем сын, задохшийся от смеха, объяснил энергичному доктору, что джентльмен, на котором он сидит, отнюдь не опасный лунатик, а, напротив, безобиднейший, ни в чем неповинный человек. Когда, наконец, доктору стало все ясно, он освободил своего пленника и начал рассыпаться перед ним в извинениях.

– Это мой отец, Гаррауэй, – сказал Димсдэл. – Я не ждал, что он придет так рано.

– Тысяча извинений, сэр. Я близорук, а очки надеть не успел. Мне казалось, что это была борьба не на жизнь, а на смерть.

– Ничего, ничего, сэр, – благодушно сказал Гаррауэй.

– А ты, Том, бездельник, так-то ты занимаешься по утрам! Думал, что застану тебя за учебниками. Ведь, через несколько недель у тебя выпускные экзамены!

– Все сойдет хорошо, – с важностью отвечал Том, – Мы с Гаррауэем ежедневно упражняемся в боксе перед тем, как засесть за работу.

Доктор взглянул на Медицинские книги, на разобранный череп, и все его неудовольствие исчезло.

– Я вижу: пособия у тебя под рукой, – заметил он.

– Да, папа, они всегда у меня наготове.

– Эти кости напоминают мне старое время. Я хоть и позабыл многое из анатомии, но все же думаю, что заткну вас за пояс. Ну, что вы знаете об отверстиях в клинообразной кости, какие ткани проходят через них? а?

– Иду! – громко закричал Том. – Иду! – и стремглав выбежал из комнаты.

– Я не слышал, чтобы его звали, – заметил доктор.

– Вы не слышали, сэр? – спросил Гаррауэй, надевая пиджак. – А я как будто слышал.

– Вы, кажется, занимаетесь вместе с моим сыном?

– Да, сэр.

– Может быть, вы можете сказать мне, какие ткани проходят через отверстия клинообразной кости?

– О, да, сэр, так... Сейчас, Том, сейчас! Простите, сэр. Он зовет меня, – и Гаррауэй вылетел из комнаты.

Доктор остался один, курил папиросу и думал, что за последнее время у него испортился слух.

– Наконец, оба студента вернулись, немного смущенные, и сейчас же затрещали без умолку о погоде, о городе, об университете, – обо всем, обо всем, но только не о клинообразной кости.

– Я еще не успел выразить вам, папа, как я рад вас видеть, – говорил Том.

– И я рад видеть тебя, мой милый мальчик. Мама и Кэт приезжают ночью. Я нанял комнаты в гостинице.

– Кэт Гарстон? Я помню ее маленькой, тихонькой девочкой с длинными каштановыми волосами. Это было шесть лет тому назад. Она обещала стать хорошенькой.

И она сдержала свое обещание. Впрочем, ты увидишь сам. Ее опекун – Джон Гердлстон. Кроме нас у нее нет никаких родственников. Ее отец приходился мне троюродным братом. Увезти ее от Гердлстона было труднее, чем вырвать у него зуб. Но я так надоедал ему, что он в конце концов согласился.

Маленький доктор засмеялся; вспомнив о своей победе и протянул свои толстые ноги к огню.

– Этот экзамен помешает мне часто бывать у вас.

– Так и следует, мой мальчик: пусть ничто не мешает твоей работе.

– Впрочем, я думаю, мне нечего бояться. Я рад, что вы приехали. Через неделю состоится международный футбольный матч. Я и Гарроуэй – беки шотландской партии. Вы должны непременно посмотреть это состязание.

Глава IV

Англия против Шотландии

Наступил день англо-шотландского футбольного матча.

Лучшей погоды нельзя было и желать. Утро было туманное, но выглянуло солнце, и туман мало-помалу стал подниматься и повис, как огромное перо над мрачными стенами Эдинбургской крепости, окружив волшебной гирляндой недоконченные колонны национального памятника на Карлтонском холме. Путешественники, объехавшие весь свет, говорят, что им не приходилось видеть ничего прекраснее этого зрелища.

Три человека смотрели из окна Королевского отеля на эту великолепную картину. Одного из них мы уже знаем. Это толстый, краснощекий черноглазый джентльмен в клетчатых брюках и светлом жилете. Рядом с ним девушка в дорожном платье. Тут же у окна в плетеном кресле сидела спокойная пожилая женщина, с любовью следившая за оживленным лицом девушки.

– О, дядя Джордж, – воскликнула девушка, – какой божественный вид! Для меня все это, как во сне.

– Вот-вот я проснусь, и мне придется наливать кофе Эзре Гердлстону и слушать, как мистер Гердлстон бормочет утренние молитвы. Я каждый день после обеда читаю ему «Финансовые Новости» и знаю все о процентных бумагах, государственной ренте и акциях американских железных дорог, которые то поднимаются, то падают. На прошлой неделе акции одной из них сильно упали. Эзра стал ругаться, а мистер Гердлстон сказал, что господь наказует тех, кого любит. Но ему самому, кажется, было не очень-то приятно нести это наказание.

– Вот и Том, – весело вскричала миссис Димсдэл.

– Здравствуйте, мама, – сказал молодой человек, целуя ее. – Здравствуйте, папа. Здравствуйте, кухня Кэт. Вы должны посмотреть на нас и пожелать нам удачи. Что вы думаете о нашем матче, папа?

– Я думаю, что ты негодный изменник, играющий против своей родины, – сказал доктор.

– Что вы, папа! Я родился в Шотландии и притом я член Шотландского клуба. Этого вполне достаточно.

– Во всяком случае, я надеюсь, что вы проиграете.

Дороги, ведущие на Рэборнскую луговину, где должно было состояться состязание, были черны от многотысячных толп. Эта движущаяся масса народа была так густа, что лошадь экипажа Димсдэлов принуждена была идти шагом; кучер яростно ругался: как истый патриот, он сознавал, что на нем лежит большая ответственность, ибо он везет одного из игроков шотландской партии и должен вовремя доставить его к месту состязания. Доктору и девушке сообщили волнение окружающей толпы.

Наконец, экипаж въехал через широкие ворота на обширную, заросшую травой луговину и приблизился к целой веренице наемных экипажей. Том схватил свой мешок и побежал в павильон переодеваться.

Раздался оглушительный рев: толпа приветствовала партию англичан, вышедшую на середину площадки.

Вот они, в белых трусиках, в белых шерстяных фуфайках. На груди у них вышиты красные розы. Да, они сумеют постоять за себя, – высокие, широкоплечие, прямые, как стрелы, проворные, как кошки, сильные, как молодые бычки. Это самые лучшие игроки лондонского университета и лондонских клубов. Между ними нет ни одного человека, имя которого не было бы известно повсюду, где только играют в футбол.

Но где же их противники? Прошло несколько минут, и послышались новые приветственные крики. Шотландцы, перепрыгнув через барьер, появились на арене. Трудно было решить, которая из двух партий красивее. Шотландцы, на синих фуфайках которых были вышиты цветы чертополоха, казались сильными, закаленными людьми. Они, к тому же, весили больше своих противников.

Англичанам по жребию досталось право выбрать себе гол, и они устроились так, чтобы ветер дул им в спину. Задребезжал колокольчик, и толпа загудела от нетерпении. Один из английских игроков проворно сделал два шага вперед, и желтый мяч, как пушечное ядро, полетел в толпу шотландцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.